

Ч.Т. Сатыбалдиева^{1*} , А.С. Есенаманова²

¹Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

²Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: cynyhan@bk.ru

ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ И РИТУАЛЫ ПРОЦЕССА ТКАЧЕСТВА КОВРОВ В ДОЛИНАХ ЧОН-АЛАЙ, БАТКЕН, ЛЕЙЛЕК И НООКАТ ЮГА КЫРГЫЗСТАН

В статье рассматриваются обрядовые, ритуальные и символические аспекты традиционного ковроткачества юга Кыргызстана (Чон-Алай, Баткен, Лейлек и Ноокат). Ткачество анализируется как комплексная культурная практика, охватывающая не только производственно-хозяйственную деятельность, но и систему этнокультурных смыслов, формы социального взаимодействия и механизмы межпоколенческой трансляции знаний.

Особое внимание уделяется гендерной специфике ремесла, сакральным ритуалам начала и завершения ткацкого процесса, значению орнаментов как носителей символических кодов, а также роли ковров в жизненных циклах и семейно-обрядовой практике. Научная и практическая значимость. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию традиционных ремёсел народов Центральной Азии в этнокультурном, символическом и ритуальном измерениях. Практическая ценность заключается в возможности использования полученных материалов при создании музейных экспозиций, этнографических каталогов и учебно-методических пособий. Методология. Методологическую основу исследования составляют этнографические полевые материалы, собранные в Ошской и Баткенской областях, включающие устные нарративы, наблюдение и участие в ритуальных практиках. В работе применяются сравнительно-этнографический анализ и культурно-антропологический подход. Результаты и выводы. Установлено, что традиция ковроткачества на юге Кыргызстана представляет собой не только форму хозяйственной деятельности, но и сакрально маркированную ритуальную практику. Орнаментальные мотивы выступают как система символических кодов, отражающих мировоззренческие представления и региональные особенности. Ковры играют значимую роль в обрядах жизненного цикла (рождение, брак, погребальные практики). Ценность исследования. Проведённое исследование позволяет рассматривать традиционное ковроткачество как важный механизм формирования социальной памяти и культурной идентичности, а не только как объект материальной культуры.

Ключевые слова: ковроткачество, ритуалы, этнокультура, гендерные практики, орнамент, традиции, Чон-Алай, Баткен, Лейлек, Ноокат, Кыргызстан.

Ch.T. Satybaldieva^{1*}, A.S. Yessenamanova²

¹Associate Professor, Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: cynyhan@bk.ru

Rituals, traditions, and ceremonial practices of the carpet weaving process in the valleys of Chon-Alai, Batken, Leilek, and Nookat in Southern Kyrgyzstan

The article examines the ritual, ceremonial, and symbolic aspects of traditional carpet weaving in southern Kyrgyzstan (Chon-Alai, Batken, Leilek, and Nookat). Weaving is analyzed as a complex cultural practice that encompasses not only productive and economic activities but also a system of ethnocultural meanings, forms of social interaction, and mechanisms of intergenerational knowledge transmission. Special attention is paid to the gender-specific nature of the craft, the sacred rituals marking the beginning and completion of the weaving process, the significance of ornaments as carriers of symbolic codes, and the role of carpets in life-cycle rituals and family ceremonial practices. Scientific and practical significance. The research contributes to a deeper understanding of traditional crafts of Central Asian peoples in their ethnocultural, symbolic, and ritual dimensions. The practical value lies in the possibility of using the collected materials in the development of museum exhibitions, ethnographic catalogs, and educational and methodological resources. Methodology. The methodological framework is based on ethnographic field materials collected in the Osh and Batken regions, including oral narratives, participant observation, and involvement in ritual practices. The study employs comparative ethnographic

analysis and a cultural-anthropological approach. Results and conclusions. It is established that the tradition of carpet weaving in southern Kyrgyzstan represents not only a form of economic activity but also a sacralized ritual practice. Ornamental motifs function as a system of symbolic codes reflecting world-view concepts and regional characteristics. Carpets play a significant role in life-cycle rituals (birth, marriage, and funerary practices). Value of the study. The research makes it possible to consider traditional carpet weaving not merely as an object of material culture, but as an important mechanism for shaping social memory and cultural identity.

Keywords: carpet weaving, rituals, ethnoculture, gender practices, ornament, traditions, Chon-Alai, Batken, Leilek, Nookat, Kyrgyzstan.

Ч.Т. Сатыбалдиева^{1*}, А.С. Есенаманова²

¹Ош мемлекеттік университетінің доценті, Ош, Кыргызстан

²Эл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: cunyan@bk.ru

Кыргызстанның оңтүстігіндегі Чоң-Алай, Баткен, Лейлек және Ноокат аңғарларындағы кілем тоқу үдерісінің әдет-ғұрыптары, дәстүрлері мен ритуалдары

Мақалада Кыргызстанның оңтүстігіндегі (Чоң-Алай, Баткен, Лейлек және Ноокат) дәстүрлі кілем тоқудың ғұрыптық, ритуалдық және символикалық қырлары қарастырылады. Кілем тоқу тек өндірістік-шаруашылық қызмет ретінде ғана емес, этномәдени мағыналар жүйесін, әлеуметтік өзара әрекеттесу формаларын және ұрпақтан ұрпаққа білімді жеткізу тетіктерін қамтитын кешенді мәдени практика ретінде талданады. Зерттеуде қолөнердің гендерлік ерекшеліктеріне, тоқу үдерісін бастау және аяқтауға байланысты сакралды ғұрыптарға, ою-өрнектердің символдық кодтарды жеткізуші ретіндегі маңызына, сондай-ақ кілемдердің өмірлік циклдер мен отбасылық-ғұрыптық тәжірибедегі рөліне ерекше назар аударылады. Ғылыми және практикалық маңыздылығы. Зерттеу нәтижелері Орталық Азия халықтарының дәстүрлі қолөнерін этномәдени, символдық және ритуалдық өлшемдерде тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Практикалық құндылығы – алынған материалдарды музей экспозицияларын әзірлеуде, этнографиялық каталогтар мен оқу-әдістемелік құралдар жасауда пайдалану мүмкіндігімен байланысты. Методологиясы. Зерттеудің әдіснамалық негізін Ош және Баткен облыстарында жиналған этнографиялық далалық материалдар құрайды. Олар ауызша нарративтерді, бақылау және ғұрыптарға қатысу арқылы алынған деректерді қамтиды. Зерттеуде салыстырмалы-этнографиялық талдау мен мәдени-антропологиялық тәсілдер қолданылды. Нәтижелері мен қорытындылары. Кыргызстанның оңтүстігіндегі кілем тоқу дәстүрі тек шаруашылық қызмет түрі ғана емес, сакралды мәні бар ритуалдық практика екені анықталды. Ою-өрнек мотивтері дүниетанымдық түсініктер мен аймақтық ерекшеліктерді бейнелейтін символдық кодтар жүйесі ретінде көрініс табады. Кілемдер өмірлік циклдерге қатысты ғұрыптарда (туу, неке, жерлеу рәсімдері) маңызды орын алады. Зерттеудің құндылығы. Жүргізілген зерттеу дәстүрлі кілем тоқуды материалдық мәдениет нысаны ретінде ғана емес, әлеуметтік жады мен мәдени бірегейлікті қалыптастыратын маңызды механизм ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: кілем тоқу, ритуалдар, этномәдениет, гендерлік тәжірибелер, ою-өрнек, дәстүрлер, Чоң-Алай, Баткен, Лейлек, Ноокат, Кыргызстан.

Введение

Ткачество ковров является одной из важнейших традиционных культурных практик народов южной части Кыргызстана. В долинах Чон-Алай, Баткен, Лейлек и Ноокат этот процесс не только связан с изготовлением предметов быта, но и представляет собой сложный ритуально-социальный комплекс, включающий обряды, символические действия и коллективное взаимодействие. Традиции ткачества тесно переплетаются с этнокультурной идентичностью, отражая ценности, верования и социальные нормы местных сообществ.

Важной особенностью является участие в качестве различных возрастных и гендерных групп, что формирует особую динамику и структуру общения внутри общины. Символика узоров на коврах несет в себе глубинный смысл, передаваемый из поколения в поколение и служащий средством сохранения культурного наследия.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение обрядов и ритуалов, сопровождающих процесс ткачества ковров в южных регионах Кыргызстана, а также анализ их роли в поддержании и трансляции этнокультурной идентичности.

Обзор литературы

Вопросы изучения традиционного ковроткачества кыргызского народа нашли отражение в трудах как российских, так и кыргызских исследователей. Особое внимание в историографии уделяется этнографическим, искусствоведческим и культурологическим аспектам данной формы прикладного искусства.

К числу дореволюционных авторов, заложивших основы научного изучения ковров народов Средней Азии, включая кыргызов, относятся А.А. Боголюбов, А.Е. Фелькерзам и В.К. Розвадовский. В работе А.А. Боголюбова (1908) предпринят один из первых шагов выделения специфических признаков кыргызского ковроткачества, в частности выявлены устойчивые многовековые традиции и локальные особенности этого искусства кыргызов Андижанского региона Ферганской долины. Исследование А.Е. Фелькерзама (1915) дополнило эти материалы анализом декоративно-композиционных элементов ковровых изделий, присущих кыргызским мастерицам той же Ферганской долины, включая характерные для них орнаменты и узоры. Аналогичную роль в изучении кустарного производства и его различий с художественным ремеслом сыграл В.К. Розвадовский, который подчеркнул, что ковроткачество преимущественно развивалось среди кыргызских женщин, особенно у представителей рода ичкилик (ичкилик уруулары) на территории современного Узбекистана (Розвадовский, 1916). Эту линию продолжил С.М. Абрамзон, выделивший высокую степень развития ковроткачества у кыргызов Памира, Ферганы и Кашгара, особенно среди таких родов – ичкилик, как канды, тейит, абат, маңгыт и др. (Абрамзон, 1946).

Если перейти к советскому периоду, то существенный вклад в изучение кыргызских ковров внёс С.М. Дудин – исследователь, фотограф и этнограф, который дал высокую оценку декоративности, технике и функциональной роли кыргызских ковров. Он акцентировал внимание на том, что процесс ткачества требует оседлого образа жизни, несмотря на его бытование в кочевой среде (Дудин, 1928).

Известный исследователь исторической и традиционной этнографии кыргызского народа С.М. Абрамзон акцентировал внимание на высокой степени развития ковроткачества у кыргызов Памира, Ферганы и Кашгара, особенно

среди таких родов – ичкилик, как канды, тейит, абат, маңгыт и др. (Абрамзон, 1946).

На основе полевых материалов Е.И. Махова классифицировала кыргызское ткачество на четыре основных типа: терме, кажары, беш кеште и пуховые ковры. Последние были особенно трудоёмкими и распространены в южных и юго-западных районах Кыргызстана (Махова, 1959).

Значительный вклад в развитие этнографического изучения ковроткачества внесла К.И. Антипина. В своих трудах она детально рассмотрела традиционные технологии, подготовительный этап, процесс ткачества и его художественно-культурную значимость, ритуалы и обычаи связанные с традиционным ковроткачеством. Особое внимание было уделено распространению ковроткачества за пределами Кыргызстана – в Китай, Таджикистан, Узбекистан и Афганистан, что связано с историческим расселением ичкиликских родов (Антипина, 1962).

Кроме того, К. Мамбеталиева отметила важность передачи ковроткаческих навыков по женской линии, начиная с детского возраста, и зафиксировала особенности ткачества в Кызыл-Кие и Сулюкте (Мамбеталиева, 1963).

Всестороннее искусствоведческое осмысление феномена представлено в работах Ж.Т. Уметалиевой, которая изучала художественные аспекты южнокыргызского ковроткачества. Автор предложила классификацию ковров по композиционным, цветовым и формальным признакам, а также осветила процессы институционализации ремесла в советский период – появление артелей, развитие новых декоративных сюжетов, влияние профессионального изобразительного искусства (Уметалиева, 1966).

Фундаментальные этнографические экспедиции провела В.Г. Мошкова, сосредоточив внимание на ковроткачестве в Ферганской долине, включая местности Андижан (современный Узбекистан), Ош и Жапалак (современный Кыргызстан). В результате многолетних исследований ею были собраны и классифицированы около 900 образцов ковров. Учёная выделила этнические и региональные особенности, в том числе ковры рода канглы (род ичкилик), и предложила типологию по назначению: напольные, настенные, утилитарные и упряжные изделия (Мошкова, 1970). Предполагается, что развитое скотоводство, в частности овцеводство, традиционно практиковавшееся среди кыргызов, обеспечивало устойчивый доступ к высококачественным сортам шерсти, что, в свою очередь,

способствовало совершенствованию ковроткачества.

В постсоветский период существенный вклад в систематизацию и иллюстрацию кыргызского коврового наследия внесли публикации, подготовленные при участии известного искусствоведа Г.В. О' Баннона. В 2000 г. в США были переизданы два тома, посвященные кыргызским коврам. Первый том включает исследования К.И. Антипиной, содержащие аналитический текст и значительный иллюстративный материал, достаточно расширивший источниковую базу исследуемой темы (Antipina, 2000). Второй том-каталог, подготовленный Л.Г. Бересневой, представляет уникальные коллекции кыргызских ковров из фондов Государственного музея Востока Российской Федерации (г. Москва). Они позволили ввести в научный оборот уникальные музейные собрания и уточнить атрибуционные характеристики представленных изделий (Beresneva, 2000).

В последующие годы исследовательская традиция по традиционному кыргызскому ковроделию были продолжены в работах Ю.А. Мальчика (2005), А.А. Акматалиева (2011), Ч.Т. Сатыбалдиевой (2024) и др. В них анализируются как художественно-стилистические аспекты народных ковровых изделий, так и социокультурные изменения, характерные последним десятилетиям.

Таким образом, накопленный корпус научных работ отражает многоаспектность изучения кыргызского ковроткачества – от его социальной и этнической локализации до художественно-стилистических особенностей и трансформаций в условиях модернизации. Исследования демонстрируют устойчивую роль ковроткачества как неотъемлемой части традиционной материальной культуры кыргызского народа.

Методология

Исследование базируется на полевых материалах, охватывающих с конца XXI по начало XX века, собранных на территории Ошской и Баткенской областей. Этнографические наблюдения и устные источники позволяют реконструировать комплекс ритуальных практик и семантику орнаментальных образов.

Исследование охватывает периоды с конца XIX по начало XX века на территории Ошской и Баткенской областей. Сбор данных включал глубинные интервью, наблюдения и устные рассказы женщин-мастеров ковроткачества.

Анализ ритуальных практик и символики. Изучались традиционные обряды: запуск ткачества (чтение баты, окуривание арчой, угощения), участие «чистых» рук, коллективная помощь (ашар, килем жоктомой) и завершение (килем той, разрез ковра) – все они анализируются в свете символических установок и социальных ролей.

Сравнительный культурно-исторический анализ. Сравнение с аналогичными практиками в других этносах Центральной Азии, использование понятий ковровых изделий (ала-кийиз, шырдак, чий) сравнительный этнологический подход позволяют построить широкую картину ритуальной и символической функции ковров.

Сравнительный культурно-исторический анализ традиций ковроткачества юга Кыргызстана и казахского народа показывает их типологическую близость, обусловленную общими тюркскими культурными основаниями и сходными формами хозяйственно-бытовой организации. В обеих традициях ткачество выступает не только как ремесленная практика, но и как носитель сакральных смыслов, включающий обрядовые действия, благопожелания и символические запреты, сопровождающие начало и завершение ткацкого процесса.

Гендерная специфика ремесла (преобладание женского труда), межпоколенческая передача знаний и роль устной традиции характерны для обеих культур. Орнаментальные мотивы (зооморфные, растительные и геометрические, включая «қошқармүйіз») функционируют как символические коды, связанные с идеями защиты, благополучия и продолжения рода. Социально-обрядовая функция ковров в жизненных циклах (приданое, свадебные и семейные ритуалы, гостеприимство) также демонстрирует структурное сходство. Различия обусловлены региональными стилями, локальными технологическими приёмами и композиционными особенностями орнамента, что отражает специфику природно-культурной среды и исторических контактов.

Результаты и обсуждение

Осваивание ремесла и гендерный контекст. Женщины и девушки в сельских общинах участвовали в подготовке шерсти и после 14–15 лет приступали к самостоятельному ткачеству. К 30–35 годам становились мастерами высокого уровня (ваш текст) – аналогичное распределение

труда подтверждается исследованиями, описывающими женскую роль в шерстяной обработке и ткачестве в Кыргызстане.

Процесс ткачества ковров в долинах Чон-Алай, Баткен, Лейлек и Ноокат являлся общепотребительным ремеслом: во всех селах именно женщины и девушки осваивали его. Подготовка к ткачеству предусматривала вовлечение всех способных членов семьи – это считалось закономерным и естественным процессом. Девочки с раннего возраста участвовали в подготовке шерсти, а в 14–15 лет уже начинали ткать ковры самостоятельно. Во время подготовки они активно участвовали в прядении, сушке, раскладывании и наматывании шерсти, но не в её окрашивании – этот этап считался сложным и не подходящим для начинающих. К 30–35 годам женщины становились мастерами-ткачихами ковров высокого уровня (Мошкова, 1970). Роль ткачества в формировании приданого (сеп) подчёркивается как социальная норма: ковры как символ стабильности, благополучия и достатка.

Родители особенно заботились о дочерях, привлекая их к труду наравне с сыновьями, одновременно готовя их к будущей роли супруги. После замужества дочь полностью переходила под опеку мужа и его семьи; колыбельная родительская забота в этих укладах прекращалась. Согласно традиции, основными обязанностями женщины считались рождение и воспитание детей, ведение домашнего хозяйства (ПМ–1).

Обрядовые начала. Ткацкий ритуал традиционно начинается с приглашения родственников, чтения благословений, окуривания арчой, угощения лепёшками и, в отдельных случаях, жертвоприношения. Установка ткацкой конструкции рассматривается как мужская обязанность: глава семьи отвечает за прочность и устойчивость сооружения. Особое символическое значение имеет акт привязывания первой нити основы, который совершается старшей женщиной рода в сопровождении благословения. В этнографических нарративах фиксируются аналогичные коллективные и ритуально насыщенные практики, отражающие сакральное значение начала ткачества и его социально-обрядовый контекст.

В кыргызских семьях подготовка к ткачеству, как правило, сопровождалась множеством обрядов и суеверий. Процесс изготовления ковра воспринимался как создание изделия, имеющего конкретное семейное или социальное назначение. С раннего возраста матери начинали готовить *сеп* – приданое для дочери. В народе

бытует пословица: «Если начнёшь готовить приданое дочери в шесть лет – переберёшь, в семь – будет в самый раз» («Алты жашта ашырасын, жети жашта – жеткиресин»). В условиях полукочевого образа жизни качественный ковёр в доме служил символом достатка, благополучия, стабильности и изобилия (ПМ–2).

Социально-экономическая нестабильность и нехватка промышленных товаров побуждали семьи начать подготовку задолго до свадьбы. Основную часть приданого ткали мать, бабушка или тётя, однако сама девушка часто участвовала в изготовлении ковра и других предметов (ПМ–4).

Символика дней и молитв. Работа считалась благоприятной при начале в субботу, воскресенье или понедельник; женщины произносили особые формулы: «Пусть мой стан крепок...» и тому подобные. Это согласуется с исследованиями семантики ткацких ритуалов, где важны временные и речевые настройки процесса.

У представителей рода *ичкилик* процесс подготовки приданого для дочери начинался сразу после её рождения. Одним из центральных элементов приданого становился комплекс ткачества, включавший ковры и другие изделия. С момента появления сватов практическая необходимость в готовых тканых предметах становилась особенно актуальной, так как они выполняли как утилитарную, так и символическую функцию в брачных обрядах.

Перед началом ткачества приглашают родственников и соседей для общепринятых обрядов: совершения ритуальной *баты* (ритуальная молитва), окуривания арчой, изготовления лепёшек, иногда жертвоприношения, затем самая старшая и опытная мастерица связывает первую нитку основы и начинает работу. Ткацкий процесс считался благоприятным, если его начинали в понедельник, субботу или воскресенье; в Лейлеке женщины произносили: «Пусть мой стан крепок, ковёр прочен, узор – ясен» (ПМ–4).

На торжествах, особенно крупных свадьбах, ковры играли декоративную и социальную роль: их стелили не только внутри, но и снаружи юрт, связывая пространство. Наличие большого ковра (ордо-килем) свидетельствовало о статусе хозяйки дома (Абрамзон, 1990).

Ткачество ковров сопровождалось традициями и ритуалами. Один из таких – *учук салмай* (укладывание украшений – ширмённых пучков). *Учук* (пөпөк) делался из остатков разноцветных нитей и служил декоративным элементом, его

дарили неженатым юношам. Такой жест символизировал интерес и знакомство с мастерицей, приглашая к возможному брачному союзу. Юноши, принимающие учук, брали на себя долговую обязанность, а позже могли «откупиться» песней или даром (ПМ–1).

Ещё одна традиция – *килем жоктомой* (помощь во время ткачества). Когда работа затягивалась, родственники и соседи приносили еду: мясные, мучные, рисовые блюда. Особо готовилось блюдо *чабаты* – тонкие лепёшки в масле, подававшиеся с курутом или сузьмой. Это давало мастерицам силы и поддерживало коллективную атмосферу (ПМ–3).

Хозяйка дома угощала прихожих чаем и сладостями. Пока ткался ковёр, в доме не прекращались празднования: шутки, песни, гостеприимство. Невесты, ещё не замужние, демонстрировали качества, служащие показателем будущей идеальной жены. Процесс ткачества служил площадкой для оценки молодёжи социумом (ПМ–1).

Подготовка рабочего места также сопровождалась обрядами: площадку очищали, окуривали арчой, дүкөн (ткацкий станок) должен был установить мужчина – это обеспечивало прочность и благоприятное течение работы. Затем старшая женщина привязывала первую нить основы, произнося благословение «Господи, даруй моим рукам силу, не моя – рука матери мастерицы». Особую роль отдавали девушкам с «чистыми» руками, считалось, что их участь в ткачестве принесёт удачу (ПМ–2).

Если домовладелец сам был искусным мастером ткачества, он обучал девушек; если нет – приглашали *уз-чебер* (опытную мастерицу), которая контролировала процесс от начала до конца. При запуске ткацкого процесса мастер создавал узор *аламшек*, закрепляя по бокам *учук*, чтобы оберечь работу от сглаза и навести удачу. По окончании ткачества устраивался *килем той* (праздничное застолье). Первые разрезы делали старейшие женщины, соблюдая традиции ритуала, затем ковёр брали в руки мастера и аккуратно отрезали по краям и в центре. Ошибки при разрезке могли нарушить структуру, поэтому мероприятию придавалось большое значение (ПМ–4).

Процесс ткачества в традиционной кыргызской среде представлял собой не только ремесленную, но и ритуализированную практику с выраженной гендерной и сакральной нагрузкой. Женщины-ремесленницы трудились непрерывно на протяжении 14–15 дней, начиная работу

с раннего утра и продолжая до захода солнца. Рабочий ритм строго регламентировался естественным световым циклом, поскольку в тот период отсутствовали искусственные источники освещения. Во время работы произносились краткие вербальные формулы, имеющие характер трудовых благожеланий и магических заклинаний, например: «Пусть ковёр будет прочным» или «Мои руки крепки». Эти элементы относятся к сфере вербальной магии и отражают традиционные представления о силе слова в обеспечении успеха хозяйственной деятельности.

По завершении дневного труда, с наступлением сумерек, проводились обрядовые действия очистительного характера: сотканный участок ковра очищали, окуривали дымом (обычно арчой), а рабочее пространство приводили в порядок. Эти действия выполняли апотропеическую функцию, направленную на защиту изделия и пространства от возможного негативного воздействия.

Участницы процесса – преимущественно девушки – должны были соблюдать нормы чистоты и внешней опрятности; их поведение строго регулировалось и служило моделью для подражания внутри общины. Таким образом, ткацкий труд выступал не только как элемент материальной культуры, но и как средство воспроизводства социальных норм, гендерной социализации и межпоколенческой передачи культурных кодов (Мошкова, 1970).

В жаркие летние дни, когда ткачество продолжалось с утра до вечера, мастерицы уставали, и в перерывах уделяли внимание уходу за собой: наносили *хну* (*кына*) на руки, ухаживали за ногтями. Считалось, что крепкие, аккуратные ногти являются признаком профессионализма и свидетельствуют о мастерстве ткачихи. Такие элементы повседневной заботы о внешности выполняли как эстетическую, так и статусную функцию внутри женской ремесленной среды.

Перерывы были осмысленными и вписанными в общий трудовой ритм, напоминая ритуализированные паузы. Они сопровождались шутками и полуигровыми речевыми формулами, например: «Мы раскрываем красоту ковра» – а хозяйка понимала это как естественную часть процесса. Эти выражения имели функцию разрядки и воспринимались членами семьи как естественная часть производственного процесса, отражая культурную установку на гармонию между трудом, красотой и социальной коммуникацией.

Интересные поверья относились к инструментам: ножницы и нож нельзя было направлять на запад – считалось, что это влечёт беду. Молоток нельзя было класть на пол; его клали только на ковёр головой вправо. Эти ритуалы подчёркивали сакральность трудового процесса.

Ковроткачество было не просто ремеслом, но центром социального образования. Оно способствовало сохранению устной традиции, передачи знаний, социальных ролей, инноваций и семейных навыков между поколениями.

Коллективность и социальное взаимодействие. Помощь семей и соседей (*килем жоктомой*), частые застолья и традиционные блюда (*чабаты и сузьма*), коллективная поддержка ткачиц – всё это создало устойчивую социальную структуру ремесла, не просто как производство, но как образовательную и культурную площадку. Подобную коллективную механику описывают и исследования, отмечающие «ашар» как форму взаимопомощи. По завершении ткания проводился обряд *килем какты* – очистка ковра при помощи палочек. Пыль выбивали, ковёр переносили на почётное место дома. Гости, включая мастеров, садились на готовый ковёр и получали благословения: «Пусть руки не знают усталости, живите счастливо и будьте уважаемы».

Ковры ткались для различных целей: приданое, свадьбы, рождение ребёнка, церемонии обрезания, подарки, даже «в последний путь». Сопровождающие благословения соответствовали цели: благополучие в семье и здоровье для детей. При определённых ритуалах край ковра хранили до торжества, с молитвами о будущем. В дома, где такие ковры ткали, их берегли, проветривали и пропитывали листьями и цветами (грецкого ореха, мяты, цветков кекире), чтобы защитить от насекомых и порчи (ПМ–1).

Мастерицы, оставаясь на высоком уровне искусства, передавали знания и уважение следующим поколениям. Народные песни и поэтические строки восхваляли ковроткачество и мастериц. Их часто воспевали на последних ритуальных проходах: «Она ткала ковёр, принесла богатство и благополучие в дом, вырастила сына – доблестного героя...» такие строки становились частью культурной памяти (ПМ–1).

Также бытовали загадки и пословицы, использующие слово «ковёр» как метафору: «Тур – тур килем, тур килем турруп коюлбайм ушул килем...» – сравнивал ковёр с небом и землёй, отражая связь материального и духовного.

На свадебных торжествах существовала на-

родная игра «*килем талайшуу*» (борьба за ковёр), символизирующая переговоры и обмен дарами между семьями (Симаков, 1984).

Кочевники и полукочевники выработали особую культуру пространства и времени, гостеприимства и терпения. Благодаря торговле коврами Центральная Азия стала точкой обмена культур, технологий и художественных мотивов (Сухарева & Турсунов, 1982).

Интерьер юрты традиционно включал разнообразные ковровые изделия, выполнявшие одновременно утилитарные и эстетические функции. Их производство и использование были широко распространены среди кочевых и полукочевых этносов Средней Азии, в том числе у кыргызов (Абрамзон, 1990; Розвадовский, 1916), казахов (Касенова, 2018), узбеков (Гюль, 2019), туркмен (Гундогдыев, 2008) и других родоплеменных групп региона.

Начиная подготовку к ткачеству и до завершения работы весь процесс сопровождался обрядами, пророчествами и коллективной ответственностью. Работа начиналась только по субботам – считалось, что суббота приносит удачу. Обряд очищения, установки, учук салуу и другие ритуалы были глубоко символичны.

Дом, где ткался ковёр, считался воспитательным и культурным очагом, где женщины передавали мастерство, знание песен и обрядов, а молодёжь социализировалась. Культурные коды и традиции передавались через многоступенчатый практический опыт.

Орнамент и обереговость. *Учук, символические узоры* – всё это имело защитно-ритуальную функцию: оберег от сглаза, символика благополучия. Аналогичным образом в аль-кийиз и шырдак отмечаются мотивы «кочкор муйуз» (рог барана), «жагалмай куш» (птица), «кыйшык бурч» (ромб) и другие знаки защиты и изобилия. Изучение орнамента и семантики ковров позволяет глубже понять этнокультурное наследие, этногенез и связи между народностью Кыргызстана и соседями.

Завершение и обряд «*килем той*». После окончания ткачества организуется застолье, ковёр разрезается старшими женщинами и получает публичное признание. Ошибки при разрезке считались рискованными. Подобные ритуальные формы оформляют символическую границу между процессом труда и предметом как объектом ценности.

Ритуальная поддержка изделия. После высухания ковра его очищают и окуривают, хра-

нят и проветривают с листьями ореха, мяты или цветов кекире – практика защиты и сохранения изделия до торжества. Эти методы соотносятся с описаниями семантической защиты и заботливого хранения предметов культурного значения.

Семантика и культурный контекст. Ковроткачество служило передатчиком знаний и устной традиции, связывало поколения. Произведения текстильного искусства воспеваются в песнях и стихах, используются в народных загадках и пословицах. Это согласуется с концепцией крафтовой символики как способа этногенеза и культурной идентичности.

Заключение

В южных районах Кыргызстана ткачество ковров – это не просто ремесло, но сложный ритуально-социальный институт, включающий половой и возрастной цикл участия, символику, коллективную поддержку и устную традицию. Сопровождаемые обрядами, эти практики воспроизводят культурную память и укрепляют идентичность.

Проведённый анализ показал, что традиционное ковроткачество юга Кыргызстана представляет собой сложную культурную практику, в которой производственные навыки неразрывно связаны с ритуально-символической системой, гендерными ролями и механизмами межпоколенческой трансляции знаний. Ковёр функционирует не только как предмет материальной культуры, но и как носитель этнокультурных кодов, отражающих представления о сакральном, благополучии и социальной упорядоченности.

Традиции ковроткачества тюркских народов демонстрируют общность тюркского культурного основания, сходство орнаментально-символического языка, обрядового сопровождения ткацкого процесса и социальной роли ковров в жизненных циклах и семейных ритуалах. В целом, результаты исследования подтверждают значимость ковроткачества как важного элемента нематериального культурного наследия и актуализируют необходимость его комплексного изучения, документирования и музейной репрезентации в контексте сохранения традиционных ремесленных практик.

Литература

- Antipina K. I. (2000). *The Kyrgyz Carpet, I* / Published by G.W. O' Bannon. – Tucson: Arizona, 119 p. + 97 ill. + 89 color images.
- Beresneva L. G. (2000). *The Kyrgyz Carpet, II* / Published by G.W. O' Bannon and O.K. Amanova. – Tucson: Arizona, 83 p.
- Абрамзон С. М. (1946). Очерк культуры киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во Кирг. фил. АН СССР. – 123 с.
- Абрамзон С. М. (1990). Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан. – 480 с.
- Антипина К. И. (1962). Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов (По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизский ССР). – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР. – 288 с.
- Боголюбов А. А. (1908). Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. Боголюбовым. Вып. 1. Текст на рус. и франц. языках. – СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 72 с.
- Гундогдыев О. А. (2008). Из истории туркменского ковроделия. – Ашхабад: [б.и.], 116 с.
- Гюль Э. (2019). Ковры Узбекистана. История, эстетика, семантика. – Ташкент: [б.и.], 256 с.
- Дудин С. М. (1928). Ковровые изделия Средней Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). – Л., Т. 7. – С. 71–166.
- Касенова К. Б. (2018). История формирования и развития казахского ковроткачества в XIX – начале XXI века: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Казань, 27 с.
- Ковры по склонам сизых гор. Фольклор и литературные памятники Киргизии (2011) / Сост.: акад. К.К. Акматалиев. – М.: Худож. лит-ра, 616 с.: ил.
- Мальчик А. Ю. (2005). История кыргызского народного прикладного искусства: эволюция кыргызского орнамента с древнейших времен до XX в. – Бишкек: Кыргызский гос. университет им. И. Арабаева, 122 с.
- Мамбеталиева К. (1963). Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР. – 123 с.
- Махова Е. И. Материальная культура кыргызов как источник для изучения их этногенеза // Тр. Кирг. археол.-этнограф. экспедиции. – М., 1959. – Т. 3. – С. 44–58.
- Мошкова В. Г. (1970). Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX веков. Материалы экспедиций 1929–1945 гг. / Обработка доп. и подгот. к печати А. С. Морозовой; Ин-т искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи М-ва культуры УзССР. – Ташкент: Фан. – 254 с.
- Розвадовский В. К. (1916). Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае. – Ташкент: Тип. при Канц. Турк. ген.-губ. – 51 с.

Сатыбалдиева Ч. Т. (2024). Традиционное ковроткачество кыргызов (конец XIX – начало XX века): Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Бишкек, 43 с.

Симаков Г. Н. (1984). Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX-начале XX в. – Л.: Наука. – 229 с.

Сухарева О. А., Турсунов О. Н. (1982). Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казакстана. – М. – С. 10–47.

Уметалиева Д. Т. (1966). Киргизский ворсовый ковер. – Фрунзе: Илим. – 74 с.

Фелькерзам А. Е. (1915). Старинные ковры Средней Азии // Старые годы. – [4], 80 с., 22 л. ил.

Полевые материалы

Сатыбалдиева Ч. Т. (2011). Полевые материалы. – Вып. № 1: Баткенская область – Баткенский район. – Рукопись. Инф.: Матисламова Махпирет, 1962 г.р., село Бужум, из рода найман.

Сатыбалдиева Ч. Т. (2013). Полевые материалы. – Вып. № 2: Ошская область – Ноокатский район. – Рукопись. Инф.: Машрапова Гүлмайрам, 1947 г.р., село Жийде, из рода найман.

Сатыбалдиева Ч. Т. (2022). Полевые материалы. – Вып. № 3: Ошская область – Чон-Алайский район. – Рукопись. Инф.: Насирова Жамал, 1950 г.р., с. Карамык, из рода кыпчак.

Сатыбалдиева Ч. Т. (2012). Полевые материалы. – Вып. № 4: Баткенская область – Лейлекский район. – Рукопись. Инф.: Халбекова Гулайим, 1958 г.р., с. Жети-Таш (Дархум), из рода чапкылдык (ковровница).

References

Antipina, K. I. (2000). The Kyrgyz carpet (Vol. 1). Tucson, AZ: Published by G. W. O'Bannon.

Beresneva, L. G. (2000). The Kyrgyz carpet (Vol. 2). Tucson, AZ: Published by G. W. O'Bannon & O. K. Amanova.

Abramzon, S. M. (1946). Ocherk kul'tury kirgizskogo naroda. Frunze: Izdatel'stvo Kirgizskogo filiala AN SSSR.

Abramzon, S. M. (1990). Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi. Frunze: Kyrgyzstan.

Antipina, K. I. (1962). Osobennosti material'noi kul'tury i prikladnogo iskusstva yuzhnykh kirgizov. Frunze: Izdatel'stvo AN KirgSSR.

Bogolyubov, A. A. (1908). Kovrovye izdeliya Srednei Azii iz sobraniya A. Bogolyubova (Vol. 1). St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag.

Gundogdyev, O. A. (2008). Iz istorii turkmenskogo kovrodelia. Ashgabat.

Gül, E. (2019). Kovry Uzbekistana: Istoriya, estetika, semantika. Tashkent.

Dudin, S. M. (1928). Kovrovye izdeliya Srednei Azii. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii, 7, 71–166.

Kasenova, K. B. (2018). Istoriya formirovaniya i razvitiya kazakhskogo kovrotkachestva v XIX – nachale XXI veka (Abstract of candidate dissertation). Kazan.

Akmataliev, K. K. (Ed.). (2011). Kovry po sklonam sizykh gor: Fol'klor i literaturnye pamyatniki Kirgizii. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Malchik, A. Yu. (2005). Istoriya kyrgyzskogo narodnogo prikladnogo iskusstva: Evolyutsiya kyrgyzskogo ornamenta s drevneishikh vremen do XX veka. Bishkek: Kyrgyz State University named after I. Arabaev.

Mambetalieva, K. (1963). Byt i kul'tura shakhterov-kirgizov kamennougol'noi promyshlennosti Kirgizii. Frunze: Izdatel'stvo AN KirgSSR.

Makhova, E. I. (1959). Material'naya kul'tura kyrgyzov kak istochnik dlya izucheniya ikh etnogeneza. Trudy Kirgizskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii, 3, 44–58.

Moshkova, V. G. (1970). Kovry narodov Srednei Azii kontsa XIX – nachala XX vekov. Tashkent: Fan.

Rozvadovskii, V. K. (1916). Opyt issledovaniya goncharnogo i nekotorykh drugikh kustarnykh promyslov v Turkestanskom krae. Tashkent.

Satybaldieva, Ch. T. (2024). Traditsionnoe kovrotkachestvo kyrgyzov (konets XIX – nachalo XX veka) (Abstract of doctoral dissertation). Bishkek.

Simakov, G. N. (1984). Obshchestvennye funktsii kirgizskikh narodnykh razvlechenii v kontse XIX – nachale XX veka. Leningrad: Nauka.

Sukhareva, O. A., & Tursunov, O. N. (1982). Iz istorii gorodskikh i sel'skikh poselenii Srednei Azii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. In Zhilishche narodov Srednei Azii i Kazakhstana (pp. 10–47). Moscow.

Umetalyeva, D. T. (1966). Kirgizskii vorsovyi kover. Frunze: Ilim.

Felkerzam, A. E. (1915). Starinnye kovry Srednei Azii. Starye gody.

Field materials

Satybaldieva, Ch.T. (2011). Polevye materialy. – Vol. 1: Batken region – Batken district [Field materials]. Manuscript. Info: Matislamova, M., b. 1962, village Buzhum, from the Naiman clan. (in Russian)

Satybaldieva, Ch.T. (2013). Polevye materialy. – Vol. 2: Osh region – Nookat district [Field materials]. Manuscript. Info: Mashrapova, G., b. 1947, village Zhiyde, from the Naiman clan. (in Russian)

Satybaldieva, Ch.T. (2022). Polevye materialy. – Vol. 3: Osh region – Chon-Alay district [Field materials]. Manuscript. Info: Nasirova, Z., b. 1950, village Karamyk, from the Kipchak clan. (in Russian)

Satybaldieva, Ch.T. (2012). Polevye materialy. – Vol. 4: Batken region – Leilek district [Field materials]. Manuscript. Info: Khalbekova, G., b. 1958, village Zheti-Tash (Darkhum), from the Chapkyldyk clan (carpet weaver). (in Russian)

Сведения об авторах:

Сатыбалдиева Чыныхан – доктор исторических наук, доцент Ошского государственного университета (Кыргызстан, г.Ош. e-mail: cunyhan@bk.ru).

Есенаманова Айгерим – старший преподаватель кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы. e-mail: yessenamanovaaigerim@gmail.com).

Information about the authors:

Satybaldieva Chynyhan – Doctor of Historical Sciences (PhD equivalent), Associate Professor, Osh State University (Osh, Kyrgyzstan. e-mail: cunyhan@bk.ru).

Yessenamanova Aigerim – Senior Lecturer, Department of Archaeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan. e-mail: yessenamanovaaigerim@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Сатыбалдиева Чыныхан – тарих ғылымдарының докторы, Ош мемлекеттік университетінің доценті (Кыргызстан, Ош қ. e-mail: cunyhan@bk.ru).

Есенаманова Айгерим – археология, этнология және музеология кафедрасының аға оқытушысы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Қазақстан, Алматы қ. e-mail: yessenamanovaaigerim@gmail.com).

Келін түсті: 28.12.2025

Қабылданды: 19.02.2026